

Камиль ЯШЕН

ПАМЯТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Ответы на вопросы «Литературной России»

— С какими писателями из братских национальных республик вы много лет поддерживаете дружеские связи?

— Дружеские связи начались завязываться еще в годы, когда Горький спланировал национальных писателей и национальные литературы, то есть за несколько лет до Первого всесоюзного съезда советских писателей. Писателей братских республик объединяло желание скорее окунуться в безбрежное море русской классической и растущей советской русской литературы. Не имевшая себе равных по глубине проникновения в жизнь, в самые насущные ее проблемы, всегда согретая чувством активного гуманизма, стремлением беззаветно служить народу, она неодолимо влекла нас к себе. Это общее влечение объединяло нас и радовало. Лев Николаевич Толстой недаром сказал: «Искусство есть одно из средств единения людей».

На Первом всесоюзном съезде советских писателей были завязаны дружеские связи с писателями Средней Азии. Затем эти связи неизменно расширялись. Этому способствовали поездки по республикам, затем декады, очередные съезды как братских национальных литераторов, так и всесоюзные. В годы войны очень расширился круг наших контактов и связей: ведь Узбекистан распахнул свои двери и сердца для тысяч эвакуированных,

Самый радушный прием нашли у нас писатели России. Второе обстоятельство, укрепившее связи, — это взаимные переводы произведений братских литератур.

Если отвечать подробно, с какими писателями из национальных республик я много лет поддерживаю дружеские связи, не хватит у меня бумаги для перечисления. Прошли десятилетия, за это время я близко сошелся со всеми видными, выдающимися прозаиками и поэтами всех пятнадцати республик. Писатели вообще легко сходятся друг с другом, а тут еще общие цели и стремления. Я был близок с Алексеем Толстым, Александром Фадеевым, Анной Ахматовой, Леонидом Соболевым... Я в самых дружеских отношениях с Константином Фединым, Алексеем Сурковым, Николаем Тихоновым, Георгием Марковым, Сергеем Михалковым, Константином Симоновым, Анатолием Софроновым, Вадимом Кожевниковым, Владимиром Державиным, Николаем Грибачевым... Моими друзьями были Самед Вургун и Мухтар Ауэзов. Моими друзьями остались Мирзо Турсун-заде, Чингиз Айтматов, Берды Кербабаяев, Максим Танк, Петрусь Бровка, Никола Бажан, Григор Абашидзе, Мустай Карим — да разве всех перечислишь... Здесь я безмерно богат!

Мы часто встречаемся, решаем важные проблемы — и чисто творческие, и организационные. Сплачивает нас

забота о том, чтобы лучшие произведения прогрессивных писателей стран Азии и Африки были бы переведены на русский язык, а с него — на языки братских республик. С другой стороны, мы хорошо понимаем, что лучшие произведения советской многонациональной литературы служат вдохновляющим примером для развития передовых культур и идеологии стран Азии и Африки, и стремимся самое яркое, талантливое перевести на языки народов этих стран.

— Что на ваш взгляд является самым важным в творческом содружестве писателей братских советских республик?

— Развитие традиций интернационализма, развитие переводческого дела. Творческий труд переводчиков — важнейшая предпосылка взаимопонимания в области литературы и основа многих форм общения литератур.

— Расскажите, пожалуйста, о какой-то особенно запомнившейся встрече, интересном случае в этом сотрудничестве.

— На втором пленуме правления Союза писателей СССР, посвященном проблемам драматургии, я как член правления Союза писателей сидел рядом с Горьким. Несмотря на плохое самочувствие, он открыл пленум, а затем к концу и выступил. Затаив дыхание, с большим внутренним подъемом я слушал Горького. Он вызвал дружный смех, заявив, что за свою жизнь написал

20 плохих пьес. Мы отлично знали, какие это замечательные вещи, и с восторгом слушали его слова, где звучала отеческая забота о молодых, забота о перспективах драматургии и необходимости все время повышать свое художественное мастерство. Это было самой яркой и радостной встречей, самым глубоким писательским переживанием и было тесно связано с моим выступлением на этом пленуме. Я выступал неуверенно, робко, волнуясь, как школьник. Но, когда я рассказал о том, что наряду с многими классическими пьесами русской литературы у нас в Ташкенте на сцене узбекского театра успешно шла пьеса Шекспира «Гамлет» и в роли Гамлета выступал ныне покойный народный артист СССР Абгар Хидоятов, раздались и долго не смолкали аплодисменты, аплодировал и сам Горький.

Это врезалось в память на всю жизнь и определило мое призвание, возбудило живейший, негаснущий интерес к драматургии, которая у нас только-только зарождалась усилиями Хамзы.

Второе памятное событие произошло в начале Великой Отечественной войны. В Ташкент прибыл Алексей Толстой. Встречать его поручили Хамиду Алимджану и мне. В первый день мы, только познакомившись, никак не могли наговориться, а на завтра он сразу же поехал к солдатам, на встречи с трудящимися. Он тогда много писал — это были боевые, страстные публицистические статьи, — принимал активное участие совместно с другими писателями в организации патриотических постановок,

весь сбор от которых шел в фонд помощи сиротевшим детям.

Алексей Толстой рекомендовал Михоэлсу мою пьесу, посвященную Хамзе, и она была поставлена в Ташкенте, а потом в Москве. Пьеса, написанная мной в содружестве с Амином Умаром, шла успешно, и это вдохновило меня. Волей обстоятельств я, Халима Насырова, Михоэлс и Алексей Толстой в самые тяжелые дни войны оказались в Куйбышеве и пробыли там месяц. Каждый день мы встречались с лучшими, выдающимися представителями русской художественной интеллигенции. Впервые я имел счастье слушать вместе с ними героическую «Седьмую симфонию» Шостаковича.

Мы воочию видели, как велика была вера в победу у А. Толстого и всей художественной интеллигенции. Это

был несокрушимый оптимизм, заражавший всех окружающих. Огромный заряд воли вынес я из этой поездки. Это были грозные, но и прекрасные дни, запомнившиеся мне навсегда. Посетовавшись с А. Толстым о плане задуманной мной пьесы «Смерть оккупантам» и получив одобрение, я за месяц пребывания в Куйбышеве написал ее.

И наконец дружеские связи с А. Толстым ознаменовались незабываемой встречей с ним в 1943 году. Тогда в Москве проходили Дни узбекской поэзии, Толстой пригласил нас — меня, Халиму Насырову, Зульфию, Айдыну Сабирову — к себе домой. А. Толстой только что вернулся из Харькова. Первые его слова — «Я уже не писатель, а судья, вешаю фашистов» — прозвучали радостным для нас началом возмездия врагу. Он благодарил узбекский народ за гостеприимство в тяжелые годы эвакуации. Так закалялась в тяжелых испытаниях наша дружба.

нас началом возмездия врагу. Он благодарил узбекский народ за гостеприимство в тяжелые годы эвакуации. Так закалялась в тяжелых испытаниях наша дружба.

— Какие произведения литераторов национальных республик показались вам особенно интересными в последнее время?

— Я — член Комитета по Ленинским премиям. Присуждение за последние годы премий за произведения писателей братских республик было произведено при моем непосредственном участии. Они-то и есть лучшие, за них я отдавал свой голос.

ТАШКЕНТ